

A dark, atmospheric photograph of a dilapidated wooden house at night. The house is in a state of severe disrepair, with a partially collapsed roof and missing windows. The scene is set against a dark, stormy sky with heavy clouds. The overall mood is somber and ominous.

Игорь Кощеев

НОЧЬ
НЕЖНА ?

Игорь Кощеев

Ночь нежна?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63063081

SelfPub; 2024

Аннотация

История про четырёх одноклассников, отправившихся вглубь колымской тайги на поиски заброшенного рудника времён ГУЛАГа.

Рудник был покинут ещё в сороковые годы прошлого века. По преданиям местного населения в местах этих жили духи, покой которых нельзя нарушать. Но Управлению Дальстроя было не до местных легенд. Стране нужны полезные ископаемые, а месторождение, обнаруженное геологами, было очень перспективным. Силами заключённых был возведён лагерь и начата добыча. Однако через год запасы неожиданно истощились, и рудник пришлось закрывать. Но за тот год, что он успел проработать, множество странных вещей происходило на территории рудника. После закрытия, всю информацию о нём засекретили, включая месторасположение. Шли годы, свидетелей существования рудника становилось всё меньше, а те, кто ещё оставался, вряд ли бы уже смогли найти дорогу, даже если бы и захотели.

Рудник превратился в призрак.

И вот через пятьдесят лет четырём друзьям становится известно, где находится заброшенный рудник...

ИГОРЬ КОЩЕЕВ

Ночь нежна?

Историю эту рассказал старший брат, когда мне было лет 13. Он только окончил среднюю школу, с институтом ещё не определился, да и не особо стремился к получению высшего образования. Тем более, в те времена институт ещё не давал права на отсрочку от армии, так что с осенним призывом он так и так попадал в войска. Родители наши в тот вечер ушли в гости к соседям, и мы с братом остались вдвоём. Конечно, скажите вы, старшие братья любят приврать, чтобы нагнать страха на мелких. Им кажется забавным, как младший начинает невольно жаться от услышанных баек про чёрную руку или про мертвяков, пристающих по ночам к прохожим, что решились пройти через старое кладбище. Но я к тому времени был не такой уж и мелкий. Да и легенду, частью которой стал брат, в нашем посёлке знал каждый.

Как любой ребёнок, родившийся в советское время в далёком колымском посёлке, я с детства был наслышан баек да небылиц про окрестные места. В посёлке из развлечений – раз в месяц дискотека в местном ДК, да в актовом зале клуба автотранспортников индийский блокбастер «Танцор диско» на всех сеансах две недели подряд, пока киномеханик на попутках не привезёт новое кино. А когда до цивилизации сотни километров, в единственном киоске на почте – газета

«Известия» и «Правда», по телевизору всего одна программа, то информационный вакуум должен быть чем-то заполнен. Вот и процветало устное творчество (которое правильнее назвать «байками»), как в среде неокрепших умов советских пионеров, так и среди состоявшихся строителей коммунизма.

Про заброшенные в тайге заимки и сторожки, в которых годами не пополнялись запасы, однако каждый раз, когда какой-нибудь охотник набредал на них, там всегда были приготовленные дрова для буржуйки, сахар и макароны. Про красный свет ракетниц, что выводил заплутавших грибников к посёлку. Но из жителей посёлка ракетниц никто не запускал. Про лай собак, что в метель слышали водители-дальнобойщики. Дорогу перемело, «Урал» засел по самые колёсные арки, топливо перемёрзло, с пути сбились, куда двигаться – неизвестно и последние пятнадцать минут ехали наугад. А вьюга такой плотности, что стоит глаз открыть против ветра, как тут же снега на него налипнет, словно снежком зарядили. И шли они на этот лай и выходили к посёлку. Только собаки в такую метель не лают. Они забиваются в дальний угол своих будок и сами дрожат от той жути, что творится на улице. Да и ветер совсем в другую сторону и до посёлка от машины несколько километров. В такую метель, да на таком расстоянии даже лай Цербера не услышать.

У меня тоже есть своя история, которую я обязательно когда-нибудь расскажу.

Но сегодня история брата.

Итак, мне 13 лет, я сижу на краешке табуретки на кухне, расположенной в старой колымской «двухэтажке». И, пока родители в гостях, замерев, слушаю рассказ.

Солнце медленно, словно нехотя, скатывалось за далёкие чёрные сопки. Тайгу лёгким одеялом накрывала тёплая июльская ночь. Дневные звуки постепенно стихали, и она готовилась отходить ко сну.

Мы вышли из кустов высокого, выше человеческого роста, стланика. Позади – километров пять, пройденные только с одной остановкой на перекур. Торопились добраться до места засветло.

Прямо перед нами выросла небольшая сопочка, диаметром максимум в полкилометра и высотой метров двести. Абсолютно голая, только кое-где поросшая мхом и брусничником. Один-в-один, как наша Сахарная Головка, что за Дебином, только меньше (впоследствии я не раз ещё встречал на Колыме именно такое название – «Сахарная Головка» у подобных сопкок: небольшие, остроконечные и совершенно голые, они, словно прыщ выделялись среди общего северного пейзажа). На вершине сопочки стоял барак. Должен был стоять.

Как только мы вышли из тайги, стланик тут же позади нас сомкнул ветки, словно сказочная охрана какого-то падишаха, свои секиры, опоясав подножие сопки сплошной стеной

из зелёной хвои. Тайга словно выплюнула нас к подножию сопки и снова захлопнулась.

В экспедицию эту мы выбрались вчетвером: я с Серёгой и наши девчонки – Таня и Инна. Несколько дней назад мы все дружно отгуляли на школьном выпускном и вот-вот должны были разбежаться, разъехаться по разным уголкам нашей страны.

– Мих, сколько время? – спросил Серёга.

Он свои часы забыл, а девочки в лес брать не стали, чтобы не потерять. Так что я оказался в компании единственным обладателем хронометра. Я посмотрел на циферблат своих, подаренных родителями, «командирских»:

– 23-30.

Ещё десять минут назад мне казалось, что мы заблудились и, пока солнце окончательно не село, надо возвращаться к нашим мотоциклам, оставленным там, где упёрлись в сплошной валежник. Путь сюда был известен только Серёге и то по рассказам его дяди. Тот, конечно, охотник и рыбак в посёлке известный, да и в тайге ориентируется с закрытыми глазами, но я начал приходить к выводу, что он просто решил пошутить над Серёгой и выдумал историю про то, что ему известен путь, который никто не знал.

Слухи об этих местах ходили разные. Где-то поблизости во время войны был то ли урановый, то ли оловянный, то ли прииск, то ли рудник. Толком никто не помнил. Геологи в начале сороковых обнаружили богатейшее месторожде-

ние. Для страны, которая воевала с фашизмом, на тот момент очень нужное и важное. За пару месяцев силами «зэков», которых в наши края отправляли с «материка» пароходами, возвели лагерь и стали усиленными темпами это месторождение осваивать. Немногочисленное местное население пыталось убедить представителей власти не делать этого. Мол, место это священно и духи обитают здесь. Но советская власть в каких-то там духов не верила, а вот в необходимость крепить оборону и бить врага – очень даже.

На должность начальника лагеря прислали капитана ГБ из деревенских, до этого звёзд с карьерного неба особо не хватавшего. Не очень отёсанного, но советской властью в военном училище обученного и курсы красных командиров закончившего ещё в гражданскую. Грамотные офицерские кадры были на вес золота и уходили почти все на запад – линия фронта всё глубже проникала вглубь и страна билась ни на жизнь, а на смерть.

Деревенские корни давали о себе знать и жизнь без выпитого с утра свежего яичка и наваристого куриного бульончика на ужин, была ему не мила. Но одно дело, когда такие потребности у тебя там «на материке», где деревни каждые три версты и по выходным колхозный рынок на площади. И совсем другое, когда ты находишься там, где на тысячи километров вокруг – сплошная тайга и зима по двенадцать месяцев. Но капитан был весьма упорным и целеустремлённым в некоторых принципиальных для себя вопросах.

Так при лагере появился небольшой курятник. Построили его отдельно от основных лагерных бараков на этой самой сопочке. Не должно было смущать кудахтанье домашней птицы полуголодных заключённых.

Но не суждено было сбыться гастрономическим желаниям гурмана-начальника. Вылуплялись в хозяйстве по большей части, то птенцы с двумя головами, то с тремя лапками, а то курочки и совсем переставали нестись месяц-другой. И как не пытался прикреплённый к курятнику из «зэка» птичник, ничего поделать с этой напастью у него не получалось. Хотя и был он до лагеря, то ли председателем колхоза, то ли агрономом. Начальник нервничал, считал происходящее с птицей какой-то формой саботажа и чуть ли заговором японских милитаристов.

Но напасти с курами были еще цветочками. На самом руднике в шахтах заключённые стали пропадать целыми бригадами. Спускалась смена из десятка человек, а назад уже не поднималась. Работала весь свой рабочий день как положено, регулярно отправляя наверх добытую породу. Но когда им на смену спускалась вниз новая команда, то внизу в шахте никого не было. Ни одного человека. Рабочие инструменты, фонари, личные вещи были на месте, а людей не было.

А потом так и вообще вдруг выяснилось, что в расчёты геологов вкралась ошибка, и месторождение оказалось гораздо меньших запасов, чем было заявлено. И запасы эти за год были полностью исчерпаны. По этой причине при-

иск пришлось закрывать. Работы свернули, шахты затопили, входы в них взорвали, «зэков» перераспределили по другим лагерям, которых на Колыме в тот момент было предостаточно.

Только вот до начальника лагеря дошла информация, что наверху работой его страшно недовольны. Не оправдал, так сказать, возложенного доверия. Люди гибли десятками, план по добыче провален, а он ещё самовольно баловством с разведением курей занимался. И не исключено, что обвинят его вместе с геологами, в том, что в то время, когда фашистская гидра тянет свои крючковатые пальцы к горлу советской власти, прииск проработал практически вхолостую. И не дал для фронта и для победы так нужного стране сырья в том объёме, который ожидали партия и народ.

Оставалось сделать последний рейс. Всё уже было вывезено, последних три полуторки загружены и стояли заведённые, готовые навсегда покинуть территорию. Начальник долго бродил по практически уже пустому руднику, осматривая ещё раз бараки, проверяя, всё ли забрали, ничего не забыли.

Кто-то из конвоиров вроде видел, как он зашёл в бывший курятник...

Спохватились когда начало смеркаться. Начальника не было нигде. Ни в курятнике, ни в управлении. Нигде. Пять конвоиров и десяток «зэков» раз за разом всё тщательнее и тщательнее обходили территорию рудника: всё было безре-

зультатно. Крики и стрельба в воздух успехов также не принесли.

Искали три дня. Из города приехало руководство и несколько следователей. Две конвойные роты без остановки прочёсывали окрестности. Через три дня поисков постановили, что капитана НКВД задрал медведь и сбросил в ближайшую речку, течением которой тело унесло.

То, что у начальника с собой было табельное оружие, а медведи в это время года сытые, так как в реках полно рыбы, а в тайге – ягоды, это само-собой полностью опровергало версию прибывшей комиссии, но никакого другого объяснения произошедшему она дать не смогла.

После окончания поисков по периметру лагеря дальстровеццы установили столбы с натянутой колючей проволокой и через каждые сто метров вывесили таблички, что «Проход запрещён – караул открывает стрельбу без предупреждения». Никакого караула, конечно же, не было. Однако, объект, хоть и был покинут, но статус секретности не потерял, поэтому правила, есть правила.

Но и без табличек эти места в то время народ старался обходить стороной. Да и что там было делать? А главное, кому? Люда вольного на Колыме в те времена почти не было. Но те, кто всё же изредка забредал в те края, рассказывали всякое. Кто про призраки пропавших заключённых, которых видели выходящими после отработанной смены из взорванных штолен. А потом из бывшей столовой доносились звуки

множества стучащих о столы алюминиевых мисок. У охотников ружья отказывались стрелять, постоянно давая осечку.

Но, конечно же, больше всего было рассказов про курятник, в котором вроде как сгинул капитан НКВД, присланный в эти дикие края откуда-то с бескрайних степей южной России.

В сталинские, а потом и в хрущёвские времена, желающих проверить правдивость историй было мало, да и не поощрялись органами и администрацией визиты в те края. Так вот постепенно и забылась дорога к этому лагерю. Даже в какой стороне он находится, никто ответить не мог. Лишь байки продолжали гулять про птенцов-монстров, да призраки «зэков». Со временем не осталось ни одного человека, который бывал в нём, пока он функционировал, и ни одного, кто смог бы отыскать его в тайге. Лагерь сам превратился в призрак.

Серёга каким-то образом смог вытянуть из дядьки рассказ о том, как сюда добраться. Дядька на лагерь наткнулся совершенно случайно в прошлом году во время осенней охоты. Был день, когда он вышел к нему. Сентябрьский дождь проникал уже даже за шиворот куртки, и на открытой местности становилось совсем неудобно. Он обошёл минут за двадцать территории всего лагеря, покричал что-то типа «Зэки, ау». Зэки молчали. Духи местных аборигенов тоже. Никто к нему из штолен не вышел, из тайги жутко не прокричал в ответ и

входными дверьми барачков хлопать не начал. Надо было двигаться дальше, к вечеру его ждали в условленном месте другие охотники. Решил, что надо будет обязательно вернуться и осмотреть всё более внимательно. Поискать призраков, о которых столько рассказывают, остаться заночевать. И с чистой совестью, заявить, что если ты член партии и начальник аккумуляторного цеха автобазы, то никакие привидения тебе не страшны.

Мы стояли у подножия и, задрав головы, старались разглядеть, что там на её вершине. Слева от моих ног я краем глаза заметил какую-то сильно вытянутую опускавшимся солнцем тень. Повернул голову – невдалеке стояла почти завалившаяся сторожевая вышка, которую как-то сразу и не увидел. Заваливалась она нашу сторону и это создавало впечатление, что она специально наклоняется к нам, чтобы сообщить какую-то важную информацию. Зелёная краска, когда-то маскировавшая её под цвет тайги, давно выцвела, растрескалась и почти полностью облупилась, обнажив сухой серый брус. Лестница на верхнюю площадку была без единой ступеньки, лишь две вертикальные доски от земли до наблюдательного поста, напоминали о том, что она когда-то была. Крышу-грибок тоже с трудом можно было назвать крышей: три-четыре доски, размазанные в разные стороны, чем-то напомнили последние волоски на лысине, обладатель которой старательно раскладывает их во все стороны, неуклюже пы-

таясь создавать впечатление наличия шевелюры. А ведь когда-то на этой вышке стоял часовой с автоматом и следил, чтобы никто не позарился на курочек гражданина-начальника. Кто знает, может призрак этого часового до сих пор где-то бродит поблизости, продолжая незримо нести службу на своём посту...

– Ну что, вот и на месте, – сказал, Серёга. – Последний рывок. Ночёвка нам предстоит в том чудном сарайчике. Так что, приготовьтесь к фильму ужасов. Фредди придёт за тобой.

– Я не пойду, – неожиданно спокойно заявила Инна, – вдруг там кто-то есть.

– Конечно, есть, – Серёга улыбнулся. – Призрак самого ужасного врага народа, замученного лично Сталиным.

– Перестань. Мне страшно, – Инна даже не пыталась это скрыть: в голосе появились дрожащие нотки.

Танька крепко сжала мне руку. Я чувствовал, что ей тоже не по себе, но она старалась не демонстрировать это.

Своё состояние я понять не мог. При девчонках бояться было стыдно. Да и без девчонок тоже стыдно. По большому счёту, я раньше вообще не верил в существование этого лагеря. А уж в призраков, выходящих из шахт, и подавно. Но сейчас вот выяснилось, что он всё-таки существует. Теперь при наступлении ночи, предстояло выяснить наличие призраков. И совсем не хотелось убедиться, что это тоже оказалось бы правдой. Ещё вышка эта, словно пытавшаяся преду-

предить о каком-то страшном секрете про курятник на вершине, силуэт которого уже был явно виден на фоне красного заката.

Вместе с опускавшимися сумерками пришло, напоззло, обступило какое-то ощущение, будто мы чужие в этом мире, живущем по каким-то своим законам.

«Да уж, с шампанским нас здесь явно не встречают» – пронеслось в голове.

Инку всё-таки удалось уговорить, и мы стали подниматься по голому склону. Шли медленно, изредка перекидываясь воспоминаниями о выпускном. Торопиться уже было некуда, а темп, который мы держали последние пару часов, нас вымотал.

Приближаясь к вершине, мы издалека старались разглядеть место нашей сегодняшней ночёвки. Стены покосившегося барака были оштукатурены и окрашены, судя по всему, в когда-то голубой цвет. За годы штукатурка во многих местах осыпалась, либо отвалилась большими ошмётками, обнажив рейки, набитые для армирования и похожие теперь на торчащие рыбы кости. Места эти напоминали язвы, разъедающие тело барака. Крыша практически отсутствовала. Последние лучи солнца просвечивали чердак, словно рентгеновский аппарат грудную клетку. Два маленьких чёрных окошка глазёнками неведомой зверушки разглядывали нас, чужих и пришлых, недобрый взглядом. Мы явно не нравились этому барaku. Или его обитателям.

– Девчонки, побудьте снаружи, мы сейчас внутри всё проверим и позовём, – бодро сказал Серёга и включил предварительно приготовленный фонарик. – Пошли, – он кивнул мне в сторону входа.

Видимо, у Серёги поднялось настроение от того, что мы всё-таки нашли лагерь и теперь уж точно нельзя будет назвать его дядьку выдумщиком. Но его задор особо ни на кого не подействовал. Танюха продолжала жаться ко мне, у Инки зуб на зуб не попадал. То ли от страха, то ли от вечерней свежести, которая на вершине сопки дала о себе знать, отчего становилось ещё неуютнее.

Я снял рюкзак, достал свой фонарик и направился за Серёгой к входу, что виднелся с торца. Два ярких луча вспороли темноту изнутри. Они были похожи на прожектор «Авроры», каким его изображают в старых фильмах про революцию. Барак изнутри оказался довольно просторным, и казался гораздо длиннее, чем снаружи. Неужто, именно здесь и рождались те самые цыплята с тремя головами?

Лучи наших фонариков бегали от одной стенки к другой, шарили по углам, до которых только могли достать, словно в надежде наткнуться хоть на что-нибудь. Но внутри было пусто. Точнее, почти пусто. У дверного проёма, где мы стояли, валялись небольшие, грубо сколоченные, деревянные ящики, похожие на ящики из-под пива.

Сзади с осторожностью, словно боясь кого-то потревожить, подошли девочки.

Свет, излучаемый фонариками, немного приободрил меня. Он был из нашего мира и способным бороться с гнетущей темнотой. Мы с Серёгой наслаждались тем, что управляли лучами света в мире тьмы. Они скакали от стены к стене, прыгали по потолку, играя в салки, и постепенно появлялось ощущение, что темнота как-то скукоживается и растворяется. В этот момент я бы не променял свой фонарик даже на АК-47. С автоматом, но во тьме, мне было бы сейчас гораздо страшнее.

– Да, призраки здесь основательно поработали задолго до нас. Растащили всё что можно, – усмехнулся Серёга. – Только ящики оставили, смотри, Миш, как будто от пива, – Сергей поднял и стал осматривать сколоченный из необработанных дощечек ящик.

– Откуда здесь пиво?

– Мало ли, может, кто с собой притащил.

– Ты бы стал тащить сюда ящик пива на своём горбу? А их здесь десятка три.

– Мальчишки, хватит играть. Давайте костёр разведём. Холодно, – попросила Инна.

– Ладно, сейчас организуем, – Серёга взял ещё один ящик и пошёл вглубь барака. – Будем справлять новоселье. Давай, Мишань, указывай мне дорогу лучом света в тёмном царстве.

С местом определились быстро. Пол внутри барака был земляной, земля сухая и на удивление, не заросшая травой.

Прикинули на глаз середину от одного конца до другого и стали обустриваться. Через несколько минут в огне уже трещали доски. Горели они прекрасно, вода внутрь барака, видимо, не попадала, и ящики были совершенно сухими. Свет и жар от костра растопил наши страхи и быстро вселил уверенность, что ночь пролетит незаметно.

Девчонки расстелили покрывало в роли стола, с разных сторон костра разложили спальные, достали из рюкзаков домашние огурцы и помидоры из теплицы тётки Зиной, мамы Танюхи, быстро и ловко покрошили их в миски. Я достал портативный магнитофон, предложил выбрать, кого поставить: «Модерн Токинг», «Джой» или «Электроклуб». Выбрали «Модерн». Перемотал кассету на начало, включил и с первых же звуков голоса Томаса Андерса, раздавшихся из динамика моей «Весны 202», появилось ощущение, что этот старый барак покорён. Мы стали хозяевами положения. Теперь он нам совершенно не страшен.

Входная дверь была мной заперта на засов (странно, как это он ещё сохранился) и на какой-то, даже не знаю какой, случай заставлена метра на два вверх собранными мной ящиками.

– А в туалет как? – спросили девочки.

– В угол сходите, если что. Вас в десяти шагах уже видно не будет.

– Видно, может, и не будет. Зато слышно. Чувствуете, какая здесь слышимость?

Наконец суета закончилась, и мы расселись на спальники вокруг нашего импровизированного стола. Нарезанные огурчики с помидорами, посыпанные порубленным укропчиком, бутерброды с «докторской», разогретая на костре, аппетитно шкварчащая тушёнка с варёной картошкой, и даже банка рижских шпрот.

– Ну что, строили мы, строили и наконец, построили. Разрешите мне открыть наш торжественный вечер в этом таёжном мотеле, – скорее сообщил, нежели спросил Серёга и посмотрел на девчонок.

– Разрешаем, разрешаем.

Он, пародируя движения иллюзиониста, достал из рюкзака бутылку портвейна Агдам.

– Начинаем, – Серёга театрально одновременно всем подмигнул и стал открывать бутылку.

Мы травили анекдоты, танцевали, снова вспоминали выпускной и экзамены, Серёга и я делились мечтой попасть служить в ВДВ, а девчонки обещали обязательно приехать к нам на присягу...

В какой-то момент я отвлёкся и посмотрел на противоположную стену. Взгляд упал на два маленьких, похожих на злые глазёнки, мутных окошка. В них не было видно даже неба. Серая густая ночь лежала на бараке, придавливая его собой. Странная темень для колымских белых ночей.

– Давайте уже спать, – предложила Инна. – Миш, сколько там уже?

Я мельком взглянул на часы:

– Без пятнадцати.

– Без пятнадцати чего? Час? Два? – уточнила Инна.

– Без пятнадцати двенадцать, – «на автомате» ответил я.

– Как «двенадцать»? Мы сюда пришли в половину. У тебя что, часы встали?

Точно, я сразу вспомнил, как внизу у меня спрашивали и я ответил, что было половина двенадцатого. Я ещё раз посмотрел на часы. Без пятнадцати двенадцать. И, нет, не встали, секундная стрелка уверенно передвигалась по циферблату. Я чувствовал, как три пары глаз внимательно смотрят на меня в ожидании, что я что-то скажу, дополню. Но я не знал что сказать. Я даже поднял руку с часами и приложил их к уху. Они, как и положено, тикали.

– Идут. Я их перед выходом завёл.

– Ну и ладно, – сказал Серёга, – или кто-то боится опоздать на первый урок? – и начал расстёгивать спальник.

Мешки наши были двuspальными и легко проглотили две молодые пары. Занырнув с головой, мы перешёптывались внутри каждый о чём-то своём. Было уютно и тепло. День измотал, и заряд нашей бодрости был полностью исчерпан.

Тихо потрескивая, словно напевая колыбельную, совсем рядом догорал костёр. От него ещё шёл жар, который создавал ощущение уюта.

– Миш, а Миш, тебе не страшно? – вдруг посреди перешёптывания о моём призыве и её поступлении в институт,

спросила Танька.

– Нет, – ответил я, но понял, что соврал. Из головы не выходила ситуация с часами и то, что в окошках было явно темнее, чем должно было быть. – А чего бояться?

– Не знаю, – шёпотом размышляла Таня. – Всё равно как-то не по себе. Особенно, когда пришли. Неужели тебе не было страшно?

– Нет, – я соврал второй раз за полминуты. Но так можно, решил для себя. Я же врал в её интересах.

– А мне было. Прямо очень. И барак этот... Враждебный какой-то. Злой. Он как будто наблюдает за нами.

– Да ну, перестань. Обыкновенный старый заброшенный сарай. Сама на себя страху нагоняешь. Не думай об этом и всё.

– Ты знаешь, а мне вот, как только ты увидел, что часы сломались, сразу показалось, что то, о чём рассказывают, может оказаться правдой.

– Когда кажется – креститься надо, – улыбаясь прошептал я Тане на ушко и нежно прижал к себе.

Я не хотел ей признаваться, что в тот момент сам ловил себя на этой мысли. Но был ли это страх? Может это просто настигшая растерянность в момент, когда ты не можешь что-то логично для себя объяснить? Никакие мутанты здесь никогда не рождались, да и вообще, рудник ли это? Скорее всего, обыкновенная зона, коих на Колыме в своё время было понастроено десятки.

– Поскорее бы утро, – словно молитву прошептала Танюха и замолчала.

Костёр ещё тихо допевал свою колыбельную. Серёга с Инной уже не перешёптывались. Я не заметил, как уснул.

Проснулся от того, что кто-то совсем рядом тихо, словно стараясь никого не разбудить, кашлянул. Я открыл глаза и попытался понять, кто мог кашлять. Света от костра уже не было и окружающее меня пространство представляло собой сплошную мглу. Это точно была не Таня, потому что звук был не настолько рядом. Сергей? Инна? Всматриваться было бесполезно, поэтому я прислушался, стараясь разобрать, спят ли они.

И в этот момент раздался оглушительный грохот. Что-то упало с большой высоты.

Спросонья никто не понял, что произошло. Это приснилось или как? Что могло рухнуть с таким грохотом в пустом бараке? Кромешная тьма, плотно облепившая нас, дезориентировала в пространстве, и что-то разобрать в ней было абсолютно невозможно.

– Мишка? Танюха? Что случилось? – спросил Серёга, слышно было, как он впотьмах шарит в поисках фонарика.

– А чёрт его знает, – я свой нашёл быстрее, включил и стал выбираться из нагретого спальника. – Наверное, ящики развалились, звук был со стороны входа, – я выбрался, поцеловал Таню, которая ещё приходила в себя и не совсем понимала, что происходит.

Освещая дорогу фонариком, подошёл к входу. Так и есть. Ящики валялись на земле. На секунду даже показалось, что именно так они были разбросаны, когда мы сюда пришли. И в том же количестве. А ведь Серёга минимум пяток спалил. Я стал переводить взгляд с одного ящика на другой, зачем-то пытаюсь про себя подсчитать их количество.

– Ого, смотри, – луч фонарика Серёги присоединился к моему, и выхватил лежащую на земле между ящиков разбитую бутылку шампанского.

Осколки толстого стекла играли в лучах фонарей мрачным бутылочным светом. Разлитое по земле шампанское как-то недобро пенилось в лужицах и угрожающе шипело, словно змея перед броском.

– Ты с собой брал шампанское? – спросил я.

Из всего нашего класса алкоголь в посёлке мог достать только Серёга.

– Что я, восьмиклассник что ли? – усмехнулся он.

Мы не сговариваясь, одновременно посветили на дверь. Засов был на месте. Я подошёл, отодвинул его, открыл дверь и вышел на улицу.

Что это было? Я лично расставлял ящики и точно знал, что установил их надёжно и сами по себе они упасть не могли. Если только пнуть сильнее. Но кто мог? Все были в спальниках, внутри больше никого нет. Пока девчонки готовили ужин и организовывали стол, мы с Серёгой тщательно всё внутри осмотрели. Обошли метр за метром, пронзая све-

том самые тёмные и потаённые уголки бывшего курятника. Потолок тоже был цел, и с чердака внутрь попасть невозможно. В двух окошках стояли стёкла, непонятно, как до сих пор сохранившиеся. Если только через подкоп. Нору, например. Может зверюга живёт какая: заяц там или крот... Я даже не сообразил в тот момент, что кротов в наших краях отродясь не было. Так хотелось найти какое-то логическое объяснение раскиданным ящикам. Но бутылка шампанского! Да ещё целая! Точнее, уже не целая. Её захочешь, об асфальт не всегда разобьёшь. А тут о землю. Откуда?

Я стоял на вершине сопки, смотрел на спящую тайгу, что словно морем чернил окружала её. Тихими волнами, рождёнными тёплым июльским ветром, тайга дышала во сне. Ночь с улицы не казалась такой серой, как из окошек барака. Здесь она была молода и по-летнему красива.

– Миш, а не твои ли это шуточки? – Сергей вышел за мной и встал рядом. – Вспомни, может спрятать хотел, чтобы девочки не видели, да и забыл? – судя по интонации, Серёга надеялся получить от меня утвердительный ответ.

– Ничего я не прятал и шампанское с собой не брал. Откуда его в посёлке вообще взять? На выпускной всего три бутылки на весь класс смогли достать.

– Хорошо, – Сергей не отступал. – Ящики же ты укладывал. Мало того, что уложил кое-как, и они от какого-то сквозняка рассыпались. Так ещё и бутылку шампанского проглядел.

– Серёга, – я развернулся к другу и посмотрел на него в упор. – Я даю тебе слово, я хорошо сложил ящики. Они не могли упасть сами. И они были пустые. Я не знаю, что произошло, ты понимаешь?

– Миха, я очень хочу сказать «да», – Серёга словно извинялся. – Но лучше я буду верить, что ты просто торопился и впопыхах плохо сложил, а бутылку не заметил.

Я злился на не доверявшего моим словам друга. Злился, но понимал его логику. Злился на себя, ведь это я где-то что-то просмотрел, не углядел. Значит, и виноват я. Злился на прекрасную июльскую ночь, что здесь на улице была свежа и прекрасна. Злился на эти ящики. Но больше всего – на загадочную бутылку шампанского среди колымской тайги. А ещё я пытался понять, кто же это кашлянул, Сергей или Инна, и не приснился ли мне этот кашель?

– Миша, Серёжа, – голос Таньки искал нас. Она стояла около входа и оглядывалась, – Вы где? Нам страшно.

– Ладно, пошли, – сказал Серёга, развернулся и пошёл к бараку, – остановился через несколько шагов, повернулся ко мне. – Про шампанское молчи. Ящики рассыпались от того, что ты их плохо сложил, – включил фонарик и помахал им, чтобы Таня увидела – Мы здесь, Тань. Сейчас будем. Как там Инна?

Вернувшись, мы с Серёгой закрыли дверь и снова заперли её на засов. Серёга даже пару раз дёрнул за ручку, проверяя, хорошо ли он держит. Шампанское, что попало на зем-

лю, уже полностью впиталось, остались только небольшие лужицы в осколках. Выпуская редкие пузырьки на волю, оно быстро выдыхалось и уже совсем не шипело.

Тихо посоветовались, складывать ли ящики снова, или пусть валяются. Решили всё же забаррикадироваться. Вроде, как для спокойствия девочек, но каждый из нас понимал, что и нам самим так будет спокойнее. Осколки аккуратно, чтобы девочки не услышали звона, отнесли к стене и слегка, чтобы не бросались в глаза, забросали землёй.

– Мальчики, что это было? – спросили обе одновременно, когда мы вернулись.

Таня к нашему возвращению уже закинула в кострище несколько оставшихся досок, раздула огонь, и костёр снова бодро трещал.

– Миша плохо ящики сложил, вот и рассыпались, – быстро, не давая мне даже возможности открыть рот, ответил Серёга.

– Грохот был такой, словно конец света, – сказала Инна. Но по голосу было похоже, что объяснение её вполне устроило и она поверила. – Быстрее бы уже утро. Миш, сколько там уже?

Надо же, во всей этой суете, я даже ни разу не взглянул на часы.

Этого не может быть.

– Без пятнадцати, – не отрывая глаз от циферблата с продолжающей уверенно накручивать круги секундной стрел-

кой, ответил я. – Двенадцать.

– Выкинь свои часы, – Серёга отнёсся к информации явно философски и полез в рюкзак. Достал ещё бутылку портвейна. – Дамы желают?

Дамы не желали. Обе в полутьме сверлили меня взглядом, пытаюсь разглядеть, шучу я или нет. Видели, что не шучу и не могли понять, как им реагировать на моё сообщение.

– Миш, они точно идут? – с какой-то тускнеющей надеждой спросила Таня.

Я ещё раз зачем-то поднёс часы к уху. «Командирские» тикали со всей своей армейской надёжностью и даже казалось, что на весь барак.

– Инн, они что-то барахлят, – сказал я, отвечая не своей девушке. – Видимо заело минутную и часовую.

Я что-то ещё сочинял «на ходу», но вдруг понял, что исходя из своего внутреннего ощущения того, сколько мы провели уже здесь времени, то уже должен был начаться рассвет. Июльские ночи в наших местах так коротки, что в два часа уже можно читать газету. А судя по тому, что я видел, когда вышел на улицу, ночь только началась.

– А мы с Мишаней по сто наркомовских, – обозначился Серёга.

Мне казалось, что уже прошло минут десять, как он спрашивал про «дамы желают?», а оказывается, это было всего несколько секунд назад.

Он распечатал бутылку. Медленно и максимально акку-

ратно разлил по двум стаканчикам, один протянул мне. Взял второй, тут же со мной чокнулся и залпом опорожнил свой:

– А теперь спать.

Я сделал небольшой глоток, фонариком высветил на столе одинокую дольку огурчика, закусил.

– Давай ложиться, – прошептал на ухо Танюхе и вернулся в тёплый спальник.

– Что это было? – уже внутри она шёпотом повторила вопрос.

– Не знаю. Может зверь какой залез.

Я знал, что теперь она мне не поверила, но что ещё я мог ей сказать?

– Я боюсь, Миш. Зачем мы сюда пришли? – как-то обречённо сказала она.

– Чего ты боишься? Никто ж не съест.

– А вдруг съест? – мне показалось, что сказала она это совершенно серьёзно.

– Давай спать. Полночи уже прошло.

Я слышал, как Инка пыталась шёпотом что-то выяснить у Серёги и даже, вроде, как плакала. Но он молчал, то ли спал, то ли притворялся. Лично мне спать расхотелось. В голову упорно лезла какие-то картины того, что сейчас может происходить вокруг нас и что скрывает наползающая на нас тьма. Мне казалось, что буквально в двух метрах от нас, там, на границе между остывающим светом костра и темнотой, собралась вся нечисть мира. Вся, о которой я когда-ли-

бо слышал в своей жизни. От Вия до привидений из английских замков. И даже чёрная рука, которой меня пугали ещё в детском саду, тоже где-то там ползает по земле в ожидании, когда погаснет последний уголёк, чтобы накинуться на кого-нибудь из нас и начать душить. А тот, кто полчаса назад кашлянул рядом с костром, стоит сейчас возле этих чёртовых ящиков и молча наблюдает за нами.

Я взял фонарик и посветил в сторону ящиков. Луч доставал плохо, и высвеченные с такого расстояния ящики только добавили ещё больше мрачности в мои мысли и душу.

По дыханию Танюхи, я понимал, что она не спит. Просто тихо лежит, уткнувшись в моё плечо. Инна с Серёгой тоже не спали. Я слышал, как они ворочались в своём спальнике.

Но не спали не только мы. Каждый из нас чувствовал, что не спит кто-то ещё. Ему или им хотелось покоя и тишины, а пришли мы с режущими их покой лучами фонарей, какой-то музыкой, танцами, громкими разговорами...

Полчаса назад нам по-хорошему предложили уйти. Но мы не поняли. Мы остались, продолжая нарушать их мир. И нам не простят этого.

Я так и не понял, когда уснул. Да и сон ли это был? Судя по всему, каждый из нас был в таком же состоянии, когда сначала на дикий вопль Инки взорвал всё пространство вокруг, а через мгновение обрушился новый грохот. Ящики снова валялись на земле. Но теперь настужь была распахнута входная дверь и июльская ночь глядела на нас в дверной

проём.

Инка кричала и била себя по волосам, словно пытаюсь сбросить кого-то. Серёга словно был готов к происшедшему. Он рывком выскочил из спальника, схватил фонарик, который предварительно положил рядом, и бросился к выходу.

Теперь я точно знал, что это не крот и не заяц. Для того, чтобы открыть засов и распахнуть дверь, нужны руки.. Не лапы, а человеческие руки. Внутри меня всё замерло, страх наседал и давил сверху, сжимая до размеров клопа. А ночь пристально смотрела на нас прищуром дверного проёма.

– Инна, успокойся, перестань, что ты делаешь, – сказал я, направив свет фонарика на подругу, которая продолжала кричать и смахивать что-то со своей головы.

– Он трогал меня. Мою голову. Запустил свою шершавую руку в мои волосы и гладил!

– Инн, кто «он»? Никого нет! Кто-то заполз тебе в волосы просто. Бурундук какой-нибудь, – я пытался успокоить её, но сам понимал, что произошло именно так, как рассказывает Инна, «он» подошёл к ней и гладил по мягким, пушистым, пахнущим шампунем волосам. Он всегда был рядом. Ходил вокруг нас, наблюдал, рассматривал, час назад он кашлянул, может быть даже не случайно.

– Откуда я знаю «кто»? Он.

Я всё-таки решился присоединиться к Серёге и выйти на улицу.

– Нет! – Танюха вцепилась мне в руку. – Не уходи, Миш,

не уходи!

Инка перестала кричать.

– А вдруг там с Серёгой что?

– Не оставляй нас! Я прошу!

– Ну перестань, – я прижал её голову к своей груди. – Всё будет нормально.

– Я умру здесь, Миш. Пошли домой, – последнюю фразу она произнесла шёпотом.

Новый крик Инки заметался по бараку. Я повернулся и скорее понял, чем увидел, что она смотрит в сторону входа. В дверном проёме стояла человеческая фигура.

Мне показалось, что я сейчас упаду. Я впервые понял, что означает выражение «ноги подкосились». На фоне лунного неба я видел табельное оружие в руках фигуры, пилотку на голове.

– Козлы! – зло сказала фигура и направилась к нам.

– Серёжка! – Инка вскочила и бросилась к фигуре. – Серёжка! – она дрожала у него на шее от испуга и рыданий.

– Козлы! – повторил Серёга и включил фонарик. Который я принял в темноте за оружие. – Успели смотаться, – мотнул головой и я понял, что увиденная мной пилотка превратилась в обычный чуб.

– Ты что, видел кого-то? – спросил я.

– Какой там. Выскочил, уже нет никого. Странно, вроде выбежал сразу, сопка голая, до леса добежать не успели бы. А никого нет. Может с другой стороны барака прятались. Или

на чердак залезли.

– Серёжа, я не могу больше! Он трогал меня! Он хотел меня задушить! Давай уйдём отсюда. Прямо сейчас, Серёжа.

– Как уйдём? Как уедем? – Сергей не верил Инне, по нему было видно, что он не считает, что ей просто что-то показалось. – До мотоциклов два часа по ночной тайге. Ещё дорогу найти нужно. Дождёмся утра и пойдём.

– Я с ума здесь сойду. Ну придумай что-нибудь.

– Что придумать? В тайге хочешь ночевать? На спящего медведя наступить впотьмах? Он пострашнее здешних призраков, поверь. Лично я лучше здесь подожду, – он взял початую бутылку, разлил мне и себе и молча протянул мой стакан.

Я взял. Танька забрала его у меня, я не сопротивлялся. Выпила до дна и дрожащими руками поставила его на землю.

Ночь продолжала наблюдать за нами хитрым прищуром через проём неизвестно кем распахнутой двери. Хотелось спрятаться от этого взгляда. Для этого надо было пойти и закрыть эту чёртову дверь, но страх не позволял мне сделать первый шаг. Казалось, что стоит мне подойти к выходу и обязательно случится что-то плохое. Я боялся смотреть вглубь барака, дальше нашей компании, казалось, что в темноте я увижу чью-то фигуру. А стоит взглянуть в сторону окошек, то с обратной стороны к мутному стеклу одного из них из тьмы обязательно прильнёт чьё-то лицо и станет разглядывать тебя пустыми глазницами. И по чердаку вот-вот кто-то

начнёт ходить, и звук его шагов эхом будет гулять по бараку. Но открытая дверь вселяла в меня наибольший ужас. Ощущение, что с улицы у входа стоит он, готовый в любой момент сделать шаг из темноты и войти в барак, не покидало. Тот, кто час назад кашлял рядом с нами, а потом раскидал ящики, тот, кто гладил по волосам Инну, а потом снова расшвырял эти чёртовы ящики, и распахнул дверь, выпроваживая нас. И тот, кто это сделал, вряд ли убежал, испугавшись Серёги с фонариком. Значит он где-то здесь. Совсем близко. Но где? За дверью или внутри, рядом с нами. И в любой момент из темноты на плечо ляжет его тяжёлая шершавая рука...

Пока эти мысли металась в моей голове, Серёга закрыл дверь. Молча пошёл и закрыл, нарочито громко лязгнув засовом. Ящики расставлять не стал. А зачем?

– Эй, вы! – крикнул он куда-то в потолок, видимо он и вправду считал, что те, кто всё это устроил, притаились где-то на чердаке. – Хоть одного, – он так же был почему-то уверен, что их несколько, – поймаю, мордой о стенку размажу!

Серёга как-то демонстративно, хотя кроме нас демонстрировать было некому, освещая себе путь, прошёл к спальнику и лёг на него сверху. Подошла Инка и легла рядом, вжавшись в него.

– Мих, что там у нас со временем? Всё так же без пятнадцати? – спросил Серёга, видимо первое, что пришло в голову.

– Да, Серж, без пятнадцати. Надо будет в город с кем-нибудь в ремонт передать.

– Да чёрт с ним, с этим ремонтом. Когда эта ночь уже закончится? Темень, как зимой. Уже светать давно пора.

Спать не хотелось, но видимо организму требовалось снять стресс и меня начало «рубить». Я сел на спальник, налил в свой стакан почти до краёв портвейна и попробовал включить магнитофон. Батарейки сели, хотя перед поездкой я установил новые, и из динамика послышалось лишь какое-то унылое завывание.

Костёр погас, а запас досок закончился. Я понимал, стоит только закрыть глаза даже на несколько минут и барак снова напомнит о себе. Танька забралась в спальник и свернулась калачиком рядом.

Сон оказался сильнее любого из нас. Но больше было похоже, что нас просто одновременно отключили. Уже за секунду до того, как очнуться, я знал, что это случилось. Барабанные перепонки взорвались.

Двери не было совсем. Она лежала выбитая внутрь барака, и ночь снова ехидно улыбаясь, перемигиваясь бледными веснушками звёзд, смотрела на нас из проёма.

Я не знаю, как я смог решиться, но что-то, несмотря на весь ужас и животный страх, пронзивший меня, заставило вскочить и броситься к выходу.

Никого!..

Снаружи только тишайшая ночь и бесконечная издева-

тельски спящая тайга.

Конечно, мне это показалось, но я вдруг явственно услышал голос:

– Уходи.

Я услышал это не внутри себя, ни где-то в голове. Я это услышал совсем рядом. Ближе, чем тот тихий кашель. Спокойный, отчётливый, мужской голос рядом со своим ухом.

От этого голоса, от этого тона мурашки волной прошлись по моему телу снизу вверх и обратно. Я понял, что если не послушать его сейчас, то мы навсегда останемся здесь и сами станем частью легенды о заброшенном колымском лагере.

– Что, никого? – сзади подошёл Серёга.

– Никого, – ответил я. Посмотрел на часы: без пятнадцати двенадцать. – Ты как хочешь, мы с Танькой уходим.

Я вернулся к месту нашего бивуака. Я старался не смотреть в тёмные углы барака. Где и углов-то видно не было. Я знал, я чувствовал, что он где-то там, совсем рядом. Мне даже казалось, что я вижу, как лучи фонарика отражаются в его хромовах, начищенных до зеркального блеска, сапогах. Я даже слышу их скрип, когда он ходит вокруг нашего бивуака. Изредка в полутьме вижу складки его суконных шаровар, портупею с кобурой, в которую вложено табельное оружие.

– Собирайся, мы уходим, – сказал я Танюхе, взял рюкзак и стал складывать вещи.

По голому склону мы спускались практически бегом. Вышка-пизанская башня провожала нас поклоном: я ведь

вас предупреждала.

До мотоциклов ещё предстояло пять километров по ночной тайге. Но каждый из нас сейчас был готов пройти хоть сто, лишь бы уйти из этого лагеря.

Не знаю почему, но глянул мельком на время: ровно двенадцать.

Сбившееся дыхание каждого, громкие всхлипы Инны и тяжёлая отдышка сначала помешали понять, что это, но постепенно в ночной тишине мы вчетвером услышали из тайги нарастающие звуки стучащих о столы пустых алюминиевых мисок...